

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ТЕРРОРИЗМ КАК НЕГАТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Введенный Аристотелем термин, происходящий от древнегреческого слова «Теттог» (ужас), первоначально обозначавший процесс негативной экзальтации среди театральных зрителей, прошел через века человеческой истории, трансформировавшись, в конечном счете, в одну из самых серьезных и масштабных угроз современности.

Отражение того, что сегодня назвали бы террористической практикой, можно без особого труда различить в многочисленных хрониках, в которых с момента зарождения письменности фиксировалась политическая и военная история современности. Ссылки на действия, попадающие под сегодняшнее юридическое понятие терроризма, есть и в Библии.

Темный период средневековья явился апофеозом всеохватывающего, многопрофильного насилия. Как правило, объединительным базисом для структурных групп, не признающих правовые и моральные основы правления власть предержащих, становилась религия, точнее ее особые, мистические перверсии. Рыцарский орден Тамплиеров, секта катаров – альбигойцев и многие другие, действовавшие на грани или за гранью формата государственно-политических систем средневековой Европы, однозначно использовали насилие как средство достижения поставленных ими целей.

Классическим примером террористической организации этого периода, ее тайной войны, диверсионной практики и насильственных средств достижения цели является секта Ассасинов (Assasins). Где-то около 1090 года некто Хасан ибн ас-Саббах, захватил в горной долине к северу от Хамадана (современный Иран) крепость Аламут. В течение последующих полутора столетий сторонники и последователи Горного Старца, под именем которого вошел в историю основатель секты, опираясь на контролируемый район, который сегодня профессионалы антитеррора назвали бы «серой зоной», лишили покоя правящие династии на обширном пространстве от Средиземного моря до Персидского залива.

Слово «терроризм» впервые получило распространение в годы Великой французской революции. В отличие от современного его значения, в ту эпоху этот термин имел исключительно положительный оттенок. По иронии судьбы терроризм в своем первоначальном значении был тесно связан с идеями добродетели и демократическими взглядами.

Феномен, понимаемый нами сегодня как терроризм в XIX веке стимулировался двумя особыми причинами, одна из которых проистекала от динамики

промышленной революции, стремительной индустриализации государств и расширения параллельного процесса просвещения. В его основе лежали предпосылки в виде социального расслоения и конфликта, а также деформация традиционных общественных моделей, мотивировавших, в свою очередь, идейный оправдательный контекст террористической практики как радикального средства выхода на путь развития за счет силового устранения имевшихся препятствий, персонифицированных в отдельных личностях или институтах. Социально-протестный подтекст присущ практически всем значимым террористическим организациям того периода – от народников и анархистов до большевиков и эсеров.

Еще одной причиной возрастания значения фактора терроризма в функциональной системе мировой политики явился рост национального самосознания и его производной – радикального национализма. Европейское пространство и прилегающие территории, многие столетия, объединенные и контролировавшиеся Римом, а затем производными от него империями, в XIX веке было населено почти что 500 различными этническими группами и подгруппами, что не могло не вести к нарастанию противоречий, особенно на фоне консолидации сложившихся национальных государств. Сплетение социальных и национально-этнических (конфессиональных) причин отслеживается, например, в феноменах ирландского и армянского терроризма.

До первой мировой войны терроризм рассматривался исключительно как признак левизны, хотя его индивидуалистический характер подчас плохо вписывался в общий шаблон. Но ни ирландские и македонские борцы за независимость, ни армянские и бенгальские террористы не имели никакого отношения к анархизму или социализму. Российские черносотенцы, разумеется, были террористами, но их задачей была борьба с революцией.

Острота рассматриваемого нами явления в период между двумя первыми мировыми войнами сошла на нет; не столько в силу его исчезновения, сколько ввиду заслоняющего глобального масштаба конкуренции между ведущими государствами. На этом фоне в 20–40-х годах прошлого века феномен терроризма носил второстепенный, локально-импульсный, избирательно-точечный характер.

Катастрофические (с точки зрения человеческой и религиозной морали) итоги первой и второй мировой войн сформировали у политических элит ведущих государств отчетливое стремление еще более уменьшить масштабы неизбежного военного насилия, окончательно определив его правовые параметры и защитив невиновных. В этом плане создание Организации Объединенных Наций, подписание Женевской конвенции 1949 г. о правилах ведения войны явились пусть не панацеей, но многообещающим началом. Впервые за пять с лишним тысяч лет военной истории человечества было наиболее четко

определено, что можно и что нельзя на войне. И в этой системе однозначно не было места для терроризма. Таким образом, терроризм по своей моральной сути – насилие против невинных – окончательно оказался вне закона.

Более четырех десятилетий мир жил по законам, сформулированным за столом переговоров в Ялте и Потсдаме. Будущие историки, на фоне текущих и грядущих событий, возможно, посчитают, что это были не самые тревожные годы человеческой истории, хотя большинство современников с ними вряд ли согласится. Все-таки с 1945 по 1990 год в мире произошло около 30 000 терактов; в среднем по два убийства, взрыва или угона транспортных средств каждые сутки. Однако на рубеже 80–90-х годов XX века сложившаяся система относительного равновесия начала неожиданно и стремительно разрушаться.

В конце 1960-х и в 1970-е годы терроризм продолжал рассматриваться в революционном контексте. Однако этот термин теперь охватывал националистские и этнические сепаратистские группы, выходившие за рамки колониальных или неоколониальных стран, а также радикальные и идеологически мотивированные организации. Лишенные гражданских прав или высланные из страны представители национальных меньшинств, объединенные в такие движения, как Организация освобождения Палестины, Квебекская группа сепаратистов, носящая название «Фронт освобождения Квебека», баскская ЭТА (Эускади Та Аскатасуна, или «Свобода и Баскония») и даже до сих пор никому не известная группа сепаратистов с Молуккских островов, требующая независимости от Индонезии, избрали терроризм в качестве способа привлечения внимания общественности к себе и своей деятельности, во многих случаях с определенной целью – вызвать сочувствие и получить поддержку от мирового сообщества, как это делали их предшественники антиколониалисты. Примерно в то же время разнообразные левые политические экстремисты, набранные из рядов радикально настроенных студенческих организаций, а также представителей марксистско-ленинских движений Западной Европы, Латинской Америки и США, начали объединяться в террористические группы.

Таким образом, краткий анализ эволюции рассматриваемого негативного феномена позволяет сделать вывод о том, что терроризм и международный терроризм как преступления и преступные явления, будучи составной частью организованной преступности, угрожают стать в XXI веке серьезными препятствиями на пути решения национальных, региональных и мировых проблем.